

**К ВОПРОСУ О КОНСТИТУИРОВАНИИ СУВЕРЕНИТЕТА
ЛИЧНОСТИ, ВЕРОТЕРПИМОСТИ И СИСТЕМЫ
ГРАЖДАНСКИХ СВОБОД ВО ФРАНЦИИ в 1789-1791 гг.
/социально-философский и политико-правовой аспекты/**

Одной из основных особенностей Великой французской революции было то, что она утвердила суверенитет личности, веротерпимость и законодательно оформила систему гражданских свобод, создав тем самым модель-эталон правовой государствен-

ности. Указанное имело особое значение не только для Франции но и для социальной эволюции всей планеты.

В годы французской революции индивид, образно говоря, становясь *homo antodidacticus* и *homo politicus*, тем самым превращается в *homo civitas* (человека-гражданина).

Субстанцией понятия личность становится отныне её социальное содержание, которое определяется всей совокупностью новых общественных отношений, формирующихся в рамках конституционного процесса 1789-1791 гг. Становление и развитие личности происходит в соответствующих социальных условиях двуединого процесса совместной деятельности /общения/ и выделения человека, его индивидуализации, самосознания, самодеятельности /обособления/ как индивида уже по сути новой формации.

В условиях формирующегося французского правового государства личность как бы раздваивается, человек становится политическим человеком, оставаясь членом гражданского общества, независимым индивидом. В качестве политического человека француз в 1789-1791 гг. оказывается гражданином государства-ассоциации, а определенный комплекс его прав признается властью и фиксируется унифицированным буржуазным законодательством. Права гражданина - это уже его юридические права. Политический человек как бы отчуждается в

государстве от естественного человека. Личность - это цель вокруг которой и ради которой конструируются политиками и законодателями элементы французской государственности. В процессе формирования правового статуса личности французское государство столкнулось с рядом трудностей. Одной из них явилось определение самого понятия "правовой статус", его элементов взаимосвязей между ними. Общеизвестным стало определение правового статуса личности как системы юридических прав, свобод и обязанностей, составляющих основу, ядро его правового положения, что впервые было закреплено в Декларации прав человека и гражданина¹. Этот исторический документ, принятый 26 августа 1789 г., провозглашал принципы нового, рождающегося в огне революции, французского общества и нового отношения к человеку

. "Люди рождаются и остаются свободными и равными в правах" - гласила первая статья Декларации.² Священными и неотчуждаемыми правами человека и гражданина провозглашались свобода личности, слова, печати, право на сопротивление уг

етению. Чрезвычайно характерной для духа времени была и последняя (17-я) статья Декларации о нерушимости права частной собственности, во многом отразившая основные социально-экономические противоречия Великой французской революции. Статья была как бы направлена против тех, кто и “слева” /неимущие/ и “справа” /феодалы/ мог бы посягнуть на новые социально-экономические порядки утверждающейся буржуазной государственности. Но в то время, когда не только молодая французская буржуазия, но и миллионы становившихся в ходе революции мелкими собственниками крестьян отстаивали завоевания революции против феодального произвола, эта статья, впрочем как и вся Декларация, несомненно имела большое прогрессивное значение. В определенном смысле слова многие положения этого знаменитого документа, и, в частности, триединая формула “свобода, равенство, братство” приобрели новую актуальность и бурных перипетиях новейшей истории XX века, - социальном разломе российского Октября, событиях двух мировых войн, перестроечных процессах в СССР, новом политическом мышлении в мире 1985-1991 гг., практика государственного строительства современной Украины и др.

Говоря о Декларации, прав 1789 г., не следует все же забывать, что во многом она отражала то, что Революции еще предстояло для граждан завоевать. Характерный пример в этой связи - её статья 10, провозглашающая, что “никто не должен испытывать стеснений в выражении своих мнений, даже религиозных, поскольку это выражение не нарушает общественного порядка, установленного законом”.⁴

А. Манфред считает, что тем самым Декларация провозгласила и свободу совести во Франции.⁵ Несколько иной является точка зрения французского историка А. Олара считавшего, что Декларация “провозглашает веротерпимость, а не истинную свободу совести”.⁶ Оценивая контекст тогдашних политических событий и реальную религиозную обстановку 1789 г., можно скорее согласится с точкой зрения французского ученого. Ведь в сущности, свобода совести подразумевает отсутствие запрета на свои взгляды не только для верующих различных конфессий, но и для атеистов. Однако французское законодательство всех лет революции, включая и год якобинской диктатуры, никогда такого права атеистам не предоставляло и в той или иной степени преследовало их. Рассуждая чисто теоретически, можно утверждать, что статья 10 содержала,

несомненно, определенный правовой потенциал для последующего утверждения в европейском законодательстве принципа свободы совести, но нет никаких оснований считать, что он был внедрен уже в 1789 г. в юридико-правовую практику Франции.

Отметим в указанной связи определенное противоречие между правовым статусом личности, определенным Декларацией прав, являвшейся как бы вводной частью первой французской конституции и правовым статусом гражданина, определенным самой конституцией. Многие из неотъемлемых прав человека, провозглашенных знаменитой Декларацией, оставались пока не признанными в статьях Конституции. Развивая принцип веротерпимости, Конституция уравнивала протестантов и евреев с другими гражданами, но почти ничего не изменила в положении колониальных рабов, статус которых был в своё время освящен официальной церковью и утвержден абсолютистским государством. Были отменены старые сословия, но не был до конца решен аграрный вопрос, что тормозило и решение церковной проблемы. Избирательная система Франции также в это время несла в себе на основе высокого имущественного ценза элементы дискриминации по отношению к малоимущим гражданам, фактически лишая их прав избирателей. Закон Ле-Шапелье поставил вне закона профсоюзы рабочих.

Следует все же сказать, что те первоначальные формы правового государства, которые существовали во Франции в период Конституанты:

- 1) государство законности (май - август 1789 г.) и
- 2) государство - ассоциация (сентябрь 1789 г. - сентябрь 1791 г.) - обеспечивали все же, хотя и не в полной мере гарантии для реализации правового статуса граждан. Что же выступало в качестве таковых? Во-первых, это правовые институты, созданные в условиях зарождающейся правовой государственности, и в первую очередь поставленный на всесословной основе независимый от администрации государства суд.

Во-вторых, в качестве гарантии выступала социально-экономическая политика государства, строящаяся на иной законодательной базе и более отвечающая интересам большинства населения Франции, что было связано, в частности, с мероприятиями Конституанты по ликвидации материальной базы абсолютистского режима и церкви как государственной структуры феодальной державы.

Соблюдение первых двух условий уже придавало достаточно реальный суверенитет личности в отношениях с государством.

И, наконец, в-третьих, гарантией обеспечения реализации правового статуса личности, в условиях режима Конституанты становилась возрастающая правовая культура населения Франции, особенно широких народных масс.

Правовая культура - явление широкое. Будучи ориентированной на соблюдение юридического закона, она не исключает, а скорее наоборот, предполагает критическое отношение к нему. Личность, отличающаяся высоким уровнем правосознания необязательно должна быть носителем убежденности в справедливости норм права. Чем выше становилась в ходе Революции правовая культура граждан Франции, тем более они были взыскательны и конструктивно критичны к законодательству, социально-экономическому положению общества.

Достаточно хорошо это показано в исследованиях известного французского ученого, директора Института истории Французской революции при Сорбоне М. Вовеля⁷, посвященного развитию тех форм общественного сознания, которые возникали на основе взаимодействия общественной психологии и идеологии и обозначаются во французской литературе терминами *mentalite* и *sensabilite collective*, а в советской определялось как "обыденное" или "массовое сознание".

Отвергая восходящую к И. Тэнну биологическую интерпретацию массового сознания (антропоморфизм), М. Вовель исходит из того, что перемены в нем вытекают "прямо из социального и политического потрясения, положившего конец старому режиму". Касаясь проблемы типов массового сознания слоев населения Франции, поддерживавших Революцию, М. Вовель особо подчеркивает значение новых, привнесенных революцией общественных ценностей, таких, как "народ", "равенство", "счастье", характеризующих так называемое революционное сознание, и формирующих по сути дела в их значительной мере правовую культуру указанных слоев. Проследившая развитие массового революционного сознания и основанной на нем правовой культуры народных масс, французский историк констатирует "разрыв непрерывности", который, по его мнению, отчетливо проявился в де сакрализации монархической традиции и фигур монарха и героизации мучеников революции и просветителей. Рассматривая изменения в формах общественной жизни, М. Вовель показывает

что деятельность Якобинского и других революционных клубов способствовала переходу от "диффузного состояния общественной жизни к организационным формам политического мнения"⁸ и тем самым к более высоким формам политической культуры. Французский исследователь совершенно правильно указывает на значение таких факторов, повлиявших на массовое сознание и политико-правовую активность различных социальных слоев, как дороговизна, возросшая социальная и географическая мобильность населения, введение нового административного деления, метрической системы, революционного календаря и т.д., и приходит к выводу, что для каждого француза революция явилась "рубежом, повлекшим изменения во взглядах и поведении даже в повседневной жизни".

Интересны и замечания М. Вовеля о массовом сознании тех групп населения, которые оказались во враждебном ей лагере. Анализируя, в частности, так называемое массовое контрреволюционное сознание, он выявляет несколько его противоречивых "моделей", полагая, что их несовместимость, и, в частности, различие правовой культуры их адептов, затруднила сплочение сил контрреволюции.⁹ Следует сказать, что на это в своё время обращали внимание и такие исследователи как О.Л. Вайнштейн¹⁰ и А. Матъез¹¹.

Весьма противоречивой, но также связанной с эволюцией правовой культуры масс и десекрализацией монархии и церкви, резким разрывом с официально-галликанской традицией была наметившаяся в ходе революции тенденция дехристианизации, на что в своих исследованиях указывают М. Вовель¹² и Я. Захер¹³.

Таким образом, можно отметить, что наряду с другими гарантиями правового статуса личности, возрастание правовой культуры граждан было действенным фактором отстаивания их конституционных прав. Это отразила в определенной степени и первая французская конституция.

Конституция 1791 г., впервые в истории Франции закреплявшая и законодательно оформившая политико-правовые институты прав человека и гражданина на уровне основного закона государства имела, конечно, для своего времени, большое прогрессивное значение. Решительно порывая с официально-галликанской традицией господства и подчинения в условиях абсолютистского режима и другими феодально-клерикальными догмами, она разительно отличалась от обветшалого феодального законодательства почти всех стран Европы. Вместе с тем она закрепляла на основе буржуазного правопорядка экономическое и политическое

неравенство различных слоёв французского общества, в чём сказывались определенные рудименты старого политического, основанного на сословных предрассудках галликанизма, мышления. В этом плане ее основной текст во многом противоречит ее вводной части - Декларации прав.

Действительно, много из того, что провозглашала Декларация в правовом статусе человека, оставалось нереализованным в правовом статусе гражданина в Конституции и его нужно было ещё завоевать. Вместе с тем, очень многое, относящееся к правам человека в Конституции стало имманентной частью статуса не только буржуазных, но и других слоёв французской нации. В этом плане в Конституции нужно видеть не только классовое, но и общечеловеческое содержание, сохраняющее своё значение до наших дней.

Примечания

1. см. *Declaration des droits de l'homme et du citoyen - Constitution française presentee du Roi par l'Assemblée Nationale le 3 septembre 1791. Dijon, de l'imprimerie de P.Causse, 1791, p.1-5.*

2. *Ibid.*, p.1

3. *Ibid.*, p.2

4. *Ibid.*, p.4

5. Манфред А.З. *Великая французская революция. М.: Полигиздат, 1975, - С.76.*

6. Олар А. *Церковь и государство. М.: Посев, 1928. - С.6.*

7. Vovelle M. *Ideologies et mentalités. P., 1982, ejusd. La mentalite revolutionnaire. P., Messidor, 1985.*

8. Vovelle M. *La mentalite revolutionnaire, p. 146.*

9. *Ibid.*, p.194.

10. Ванштейн О.И. *Очерки по истории французской эмиграции. М., 1928, - С. 12-13.*

11. Mathiez A. *Rome et le clerge Francais sous la Constituante. P,1911, p.428.*

12. Vovelle M. *Religion et Revolution: la dechristimisation en l'an II. P., 1976, p.60-75*

13. Захер-Михайлов Я. *Великая французская революция и церковь. М., 1931, - С.121-*